

А.Босяцкий¹

Варшавский университет, факультет права и администрации.
Варшава. Польша.

В.Я. Любашиц²

Южный федеральный университет.
Ростов-на-Дону. Россия

М.К. Филиппова³

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.
Владивосток. Россия

Возникновение национального государства как государства современного типа

При изучении государства современного типа следует отличать политическое значение понятия национального государства как общности граждан государства, признаваемого мировым сообществом, от этнического понимания национального государства, сторонником которого являются нынешние постсовременные националистические движения, выступающие за совпадение этнической и гражданской принадлежности людей. Основной недостаток эндогенных и экзогенных объяснений исторических причин возникновения современного государств заключается в однофакторном анализе. В рамках данной статьи рассматривается системный подход, который позволяет совместить различные направления исследовательских перспектив и изучать возникновение национального государства как результат ступенчатого инновационного политического движения, в ходе которого трансформируемое государство решает внутренние и внешние проблемы общества на этапе перехода от сословной к гражданской организации с классовой структурой.

Ключевые слова и словосочетания: методология познания, национальное государство, общество, системный подход, социальная система, сущность государства, функции государства.

¹ Босяцкий Адам – д-р юрид. наук, профессор; e-mail: abosiacki@uw.edu.pl.

² Любашиц Валентин Яковлевич – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета; e-mail: kafedra_tgp@mail.ru.

³ Филиппова Мария Константиновна – ассистент кафедры теории и истории российского и зарубежного права института права; e-mail: buharina-masha@mail.ru.

Adam Bosiacki

Varsavskij Universitet
Varsaw. Poland

V.Yu. Lyubashits

Southern Federal University.
Rostov-na-Donu. Russia

M. K. Filippova

Vladivostok State University of Economics and Service.
Vladivostok. Russia

The emergence of the nation-state as the state of the modern type

In the study of the state of the modern type to be distinguished political importance of the concept of the nation state as a community of citizens of a state recognized by the international community, the ethnic understanding of the nation-state, which is a supporter of the current postmodern nationalist movement advocating a coincidence of ethnic and nationality of people. The main disadvantage of endogenous and exogenous explanation of historical reasons for the emergence of modern states is the univariate analysis. In this article it is considered a systemic approach, which allows to combine different areas of research perspectives and to study the emergence of the nation state as a result of the step of innovation of the political movement in which convertible State decides to internal and external problems of a society in transition from the estate to the civil organization with the class structure.

Keywords: methodology of knowledge, the nation-state, a society, a systematic approach, the social system, the essence of the state, the functions of the state.

В научной литературе понятие национального государства применяется неоднозначно из-за многозначности слова «нация», которое обозначает: 1) государственную общность граждан; 2) этнополитическую общность.

В политическом смысле термин «нация» (лат. – род, народ) имеет значение «общность граждан, образуемая из всего населения государственной территории». Он вошел в словоупотребление со времен Реформации и европейского движения за систему суверенных государств, завершившегося Вестфальским миром 1648 г. [1].

До реформации слово «нация» оставалось неполитическим термином. В средневековой Европе оно использовалось в целях этнической и социальной классификации населения. В зависимости от различий религий, языков и диалектов оно обозначало этнические группы внутри церковных, военных и хозяйственных институтов. Слово «нация» было полисемантическим. Оно применялось к сословиям, жителям сельских регионов, городов и к широким социальным группам, состоящим из многих народов. Терминологическая полисемия не приводила к смысловой путанице, поскольку монопольным правом определения национальной принадлежности людей обладали лидеры католической церкви [2].

Переход от полисемантического к моносемантическому и политическому значению слова «нация» происходил под влиянием Реформации и в процессе борьбы местных правителей против транснациональных институтов церковной и светской властей. Реформация поставила под сомнение монополию католической церкви определять национальную принадлежность и оправдывала юрисдикцию государства в решении вопросов национальной (гражданской) идентификации населения. М. Лютер в работе «К христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния» (1520 г.) утверждал, что немцы, лояльные к епископу, оказались обманутыми материально и духовно практикой индульгенции. В результате покупки должностей и поместий нечестные люди стали священниками, развращающими малоимущую часть немецкой нации. Светская же власть не может быть равнодушной к будущему своей нации [3]. В условиях сословной стратификации общества идея нации нужна была отечественному дворянству для оправдания борьбы с папством. Более позднее распространение гражданских прав на буржуазию и рабочий класс доказывало привлекательность понятия нации как сообщества привилегированных людей, живущих по общему закону.

В эпоху Французской революции XVIII в. слово «нация» (фр. nation – «народ–государство») приобрело дополнительный смысл: совокупность граждан, чей коллективный суверенитет и воля образуют государство [4]. В этом значении термин «нация» используется в нынешнем конституционном и международном праве, в документах ООН [5]. Производные от политического значения слова «нация» термины «национальность» и «национальное государство» обозначают в конституционном праве следующее. «Национальность» понимается как гражданство; в демократическом государстве гражданство не зависит от этнической принадлежности людей [6]. Термин «национальное государство» означает общность граждан государства, признаваемого международным сообществом. Национальное государство может быть унитарным или федеративным [7]. Хотя его формы исторически изменяются, оно именуется «современным», возникшим в Новое время и существующим более 350 лет [8].

В этническом аспекте термин «нация» имеет второе значение – «этнополитическая общность», т.е. такая этногруппа, которая имеет свое правительство или желает его иметь. По данным Э. Хобсбаума, этнополитический термин «нация» первоначально получил распространение в Европе во второй половине XIX в., а в XX в. – на других континентах [9]. Его пропагандируют этнонационалистические движения, требующие территориального отделения или воссоединения этногруппы и создания ею своего государства. Производный от этнического смысла слова «нация» термин «национальность» означает совпадение этнической и гражданской принадлежности людей, проживающих на территории государства. Этнонационализм определяет национальное государство как этнически гомогенное государство, что ведет к понижению политического статуса остальных этногрупп полиэтнического общества и затяжным конфликтам [10]. Нынешняя распространенность этнонационализма свидетельствует о постсовременном явлении в глобализирован-

ном мире. Поэтому понятие национального государства мы будем рассматривать в современном, т.е. политическом, аспекте.

Среди исследователей нет единства взглядов на причины возникновения национального государства. Распространены эндогенный и экзогенный подходы. В первом случае определяются внутриобщественные причины появления национального государства. Во втором случае ученых интересуют международные причины перехода от феодального к национальному типу государства.

Т. Гоббс объяснял возникновение национального государства с позиций кратологического подхода, суть которого заключается в том, что в основе устойчивости правопорядка общества лежит угроза наказания со стороны государства [11]. Если правительство не может использовать силу для поддержания порядка, оно в действительности не является правительством вообще. Определение Т. Гоббса «война всех против всех» [12] характеризует типичную средневековую ситуацию феодальной розни, когда государственные структуры не способны внушать страх наказания и контролировать порядок. Утилитарное решение проблемы внутренней безопасности состоит в том, что индивиды начинают осознавать угрозу самоистребления в целом и покупают защищенность со стороны общей власти в обмен на отказ от «права всех на все» [13] в расчете извлечь выгоду из своего будущего положения. Устойчивость порядка и безопасность обеспечиваются сильной властью национального государства.

В марксизме применяется классовый подход при объяснении возникновения национального государства: «Централизованная государственная власть, – отмечал К. Маркс, – с ее вездесущими органами: постоянной армией, духовенством и судейским сословием, – органами, построенными по принципу систематического и иерархического разделения труда, – существуют со времен абсолютной монархии, когда она служила сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в его борьбе за освобождение от феодализма» [14]. Национальное государство возникло в переходный период от феодального к буржуазному обществу. Переходный период был вызван прогрессивным разделением труда вследствие развития мануфактурной экономики и торговли. Непрерывное расширение торговли и конкуренции вызывали растущую потребность буржуазии в государственной защите. Распространение частной собственности в средних классах требовало правовой защиты хозяйствующих субъектов. Растущее разделение труда привело к развитию административных служб, в ходе которого манориальная система правления трансформировалась в централизованное государственное управление. Следовательно, национальное государство – продукт и инструмент буржуазного развития общества.

Сторонники социоструктурного подхода критикуют марксизм за одностороннее подчеркивание заинтересованности ранней буржуазии в национальном государстве. По мнению Г. Моммзена, «позднесредневековое дворянство было само заинтересовано в централизованном территориальном государстве ради защиты от крестьянских и городских волнений и как источник должностей и пенсий» [15]. Эта заинтересованность возрастала по мере ослабления экономического положения

привилегированного сословия вследствие затяжных войн, стихийных бедствий и традиционного предубеждения к коммерческой деятельности. Инкорпорирование дворянства в абсолютную монархию, раннюю форму национального государства, означало, что из рядов дворян пополнялись руководство армией и администрация; в то же время сохранялись социальные привилегии, что поддерживало чувство дворянской независимости.

М. Вебер предложил политико-культурологическое объяснение возникновения национального государства. Согласно Веберу, устойчивость порядка в обществе зависит не только от сильной государственной власти, но и от ее легитимности, готовности граждан подчиняться приказам, поскольку они справедливы [16]. Реформация поставила под сомнение традиционно-религиозную легитимность транснациональных институтов церкви и империй и подорвало доверие населения к государству. Преодоление кризиса было связано с секуляризацией и формированием легально-рациональной легитимности, основанной на идее разумности и справедливости национального государства. Эта идея получила институциональное и мотивационное закрепление. Институциональный аспект легитимности власти состоял в создании государственного управления в форме бюрократической организации, когда приказ считается легитимным, если он исходит из соответствующего ведомства, соответствует инструкции и отдается при соблюдении надлежащих процедур. Посредством унификации образования национальное государство мотивационно закрепляло идею своей рациональности и справедливости, так как внушало веру «в обязательность нормативного установления и деловую компетентность» бюрократии, что вызывало ответную гражданскую лояльность населения [17].

Ю. Хабермас в коммуникативном аспекте акцентирует внимание на духовном потенциале общества как предпосылке модернизации государства. Значение Реформации и Возрождения Ю. Хабермас видит в том, что «они освободили познавательный потенциал христианства и греко-римской Античности, до этого принадлежавший культурным элитам, и сделали его влиятельным в институциональной сфере» [18]. Если Реформация устранила границы между духовенством и низшими слоями, освободила сферу торговли для влияния религиозной этики, то гуманизм Возрождения освободил от церкви греко-римское наследие, сделал доступными науку, юриспруденцию, искусство и проложил дорогу к современным правовым системам. Ю. Хабермас рассматривает раннесовременное духовное наследие как культурный код, применяя который, можно определить линии развития национального государства [19].

В отличие от эндогенных подходов, экзогенная перспектива фокусирует внимание на кризисе позднесредневекового международного порядка. По мнению Д. Хатчинсона и Э. Смита [20], главным индикатором этого кризиса были затяжные межгосударственные войны религиозного толка, вызванные противоречием между растущей территориальной автономией европейских государств и претензией папства и Священной Римской империи на универсальное главенство. Неудача с воссоединением Европы по образцу Римской империи привела к тому,

что реальные политические институты Европы были лишены даже формального наднационального авторитета. Хатчинсон и Смит отмечают, что после религиозных войн принцип международного баланса сил заменил средневековый принцип политического единства христианства [21]. Следовательно, при экзогенном подходе подчеркивается значение военной угрозы извне, побуждающей к созданию национального государства.

Основной недостаток как эндогенного, так и экзогенного подходов заключается в однофакторном изучении процесса возникновения национального государства. Необходим, на наш взгляд, системный подход, сочетающий внутреннюю и внешнюю исследовательские перспективы. Системный подход рассматривает возникновение национального государства как результат политического движения, в ходе которого трансформируемое государство решает адаптационные проблемы общества, находящегося в процессе перехода от сословной к гражданской организации с классово-структурной организацией. Процессуальный принцип системного подхода предполагает анализ внутренних и внешних адаптационных проблем переходного общества, отражающих этапы движения к национальному государству, а его структурный принцип позволяет определить признаки национального государства. В возникшем институте государства современного типа воплощены рациональные нововведения, духовно подготовленные Реформацией и Возрождением. Наконец, системный подход предусматривает функциональный анализ национального государства, оценку его эффективности и потенциала в решении проблем гражданского общества.

Национальное государство – европейское по происхождению явление. До Вестфальского мира в международных делах доминировали транснациональные империи, феодальные организации автономных королевств, герцогств, графств и города-государства. Они имели разную степень политического влияния и разную легитимность [22]. По своей политической природе система вассалитета была интернациональной. Вследствие трансграничной структуры власти не имело смысла проводить различий между внутренней и внешней политикой государства. Правители в одном регионе оказывались вассалами в других землях. И. Штрайер отмечает: «В XIII в. король Франции в один и тот же день мог послать письма графу Фландрии, который, будучи его вассалом, отличался независимым и буйным нравом, герцогу Люксембурга, который был имперским принцем и обладателем денежного феода (ежегодного денежного пособия) французского короля, и королю Сицилии, правителю государства и одновременно члену французского королевского двора» [23]. В средневековый период понятие национальных границ применялось редко. Власть правителей распространялась в географическом пространстве безотносительно к отдельным государствам.

Для вассальных отношений была характерна высокая степень анархии. Государства обладали малыми возможностями обеспечивать внутренний правопорядок и внешнюю безопасность. Особенность средневековой эпохи в сравнении с современной эрой состояла не в различии между государственными объединениями, а в принципах организации этих объединений. У европейских народов имелось

сходство в обычаях и религии. Вариативность государственных институтов – сословных монархий и городов-республик – препятствовала развитию единой политической организации, способной соединить гражданство с государством.

До Вестфальского мира государство не могло решить комплекс адаптационных проблем общества. Империи и королевства могли только развивать военную силу и не обладали способностью поддерживать внутренний правопорядок и лояльность большинства населения по отношению к существующим общественным отношениям. Вследствие нежелания подданных лиц подчинять частные интересы государственным, империи и королевства не имели достаточных сил сопротивляться внешним давлениям. Города-государства обладали большей способностью поддерживать лояльность горожан, но не имели особых возможностей усиливать свою военную мощь. Они не могли завоевывать новые территории без потери лояльности своих граждан. Малые феодальные системы оказались неконкурентоспособными в возникшей рыночной экономике, не имея к тому же достаточных ресурсов для овладения военными достижениями. Такие проблемы были под силу только новым крупным национальным государствам.

Возникновение национального государства было результатом элитарного движения европейских монархов, которое прошло в своем развитии два этапа. Попытки монархов остановить местную вражду привели в XII в. к движению за создание «королевского мира», использование монопольной силы государства в решении внутренних правовых споров [24]. Начался первый этап движения за национальное государство. Он сопровождался устранением политического правления сословий и превращением их в подданных государства, централизацией политической власти, созданием бюрократического аппарата, регулярной армии, полиции, централизованного судопроизводства и налоговой системы. Этот этап продлился до XV в., когда в Европе образовались первые централизованные государства: Франция, Англия, Испания. Он был впервые осмыслен легистами Возрождения, которые с позиции теории общественного договора выступили за централизацию государственной власти и равенство граждан перед законом [25].

Второй этап движения за национальное государство начался в эпоху Реформации и продлился до Вестфальского мира. Содержанием движения была борьба правительств государств за новый международный порядок, признающий государственный суверенитет и основанный на принципах баланса сил. Первоначально Реформация была внутрицерковным делом, ее деятели призывали к возрождению христианской истины, преодолению теологических заблуждений и уничтожению церковных злоупотреблений. Поскольку Реформация отрицала иерархическую структуру католической церкви, она имела прямые социальные и политические следствия. Европейские монархи пытались инкорпорировать реформируемую церковь в абсолютистскую форму правления. Городская буржуазия приветствовала Реформацию и использовала ее идеи в борьбе против привилегий духовенства. Дворянство утверждало свое социальное превосходство, а крестьянство ожидало от Реформации уменьшения тягот жизни. В религиозной сфере Реформация привела к образованию протестантских церквей и сект, в политической – инициировала

религиозные войны. Из них наиболее затяжной и кровопролитной оказалась Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.), завершившаяся Вестфальским миром.

Национальное государство от прежних государственных образований отличали следующие четыре признака.

Во-первых, централизация государственной власти, осуществляющей контроль над территорией с четко очерченными границами и обладающей монополией на легитимное использование силы внутри общества. Сама по себе территориальность, характеризующая национальное государство, не была модерным явлением. Новый момент состоял в строгой и четкой фиксации территориальных границ, определяющих географическое пространство монопольного осуществления государственной власти, санкционированной законом [26]. Общество в национальном государстве было социально дифференцированным и сохраняло потенциал напряжения. Национальное государство стало контролировать порядок в обществе за счет своего эксклюзивного контроля территории.

Во-вторых, национальное государство – это политически организованная общность граждан, именуемая «нацией». При феодальной трансграничной структуре государственных образований принцип гражданства не мог быть реализован. Национальное государство оказалось способным определять гражданский статус людей, родившихся или длительно проживающих на его территории. Путем определения прав и обязанностей индивидов, составлявших население государственной территории, государство влияло на социальное положение индивидов и их семей, включая правящую элиту, средние и низшие социальные слои.

В-третьих, национальное государство отличалось мобилизуемой лояльностью населения к государству на основе самоидентификации граждан с государством. Поскольку по отношению к негражданам нация оказывалась привилегированной группой, она становилась средством поддержки правительственных решений и воспитания патриотизма. «Постоянным долгом патриота, – отмечает З. Бауман, – является дисциплина; ... подчинение государству служит ярким признаком патриотизма. Любое сомнение в государственном законе возвращает несогласие, и уже поэтому (независимо от сути дела) оно «непатриотично» [27]. Т. Гоббс видел в идентификации граждан с сильным государством основание рациональных доводов в пользу мирного порядка жизни: каждому гражданину консенсус и дисциплина более выгодны, чем «война всех против всех», даже если согласие требует от меня подчинения политике, которую я не одобряю [28]. Гегель, который усматривал основу гражданской самоидентификации в нравственных предпосылках государства, делал аналогичные выводы: для патриотов государство сохраняет «их правомочия и авторитет, а также их благосостояние» [29].

В-четвертых, отличительным признаком национального государства стало признание мировым сообществом государственного суверенитета, т.е. верховенства государственной власти внутри страны и ее независимость в сфере международных отношений. Суверенитет национального государства означал полноту законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти государства на его территории. Он исключал иностранную власть и предусматривал неподчинение государства

властям иностранных государств в сфере международного общения, кроме случаев добровольного согласия государства на ограничение своего суверенитета.

Международное признание государственного суверенитета абсолютной ценностью произошло в результате мирных договоров, именуемых Вестфальским миром. Он ознаменовал небывалый прежде факт соединения европейских государств в одно международное сообщество. Осознавая солидарность своих интересов, оно посчитало нужным определить внутренний порядок в государствах и международный порядок. Набор суверенных прав распространялся на все государства и не мог быть ограничен. Государство отвечало за внутреннюю безопасность, выступало главным судьей в конфликтах на своей территории и гарантом безопасности населения от давления извне. Вестфальский мир уравнивал в правах католиков, кальвинистов и лютеран, подтвердил законность «секуляризации государства и церковных земель. В результате, – отмечает А.С. Капто, – произошел рост национально-государственного сознания европейских народов и вытеснение из их духовной жизни воинственных притязаний религиозного сознания, что неизбежно вело к пересмотру и отказу от моральных установлений папства, которые на протяжении многих веков господствовали в европейской политике» [30].

Таким образом, национальное государство как государство современного типа отличается централизацией государственной власти, осуществляющей контроль территории с четко очерченными границами, обладающей монополией на легитимное использование силы внутри социально дифференцированного общества, организующей население в сообщество граждан, мобилизующей гражданскую лояльность и признаваемой мировым сообществом.

Национальное государство было способным сдерживать и ограничивать карающую самопомощь местного населения на основе рационализации государственного управления и унификации судопроизводства. О.А. Омельченко [31], Р. Давид и К. Жоффри-Спинози [32] отмечают, что раннесовременное государство обладало необходимым потенциалом развития дифференцированной системы публичного и частного права. По мере решения адаптационных проблем общества национальное государство формализовало нормативный контроль правительственных действий в административном и конституционном праве, карающий контроль – в уголовном праве, компенсирующий контроль – в гражданском праве, терапевтический контроль – в правосудии по делам несовершеннолетних и в психиатрическом лечении, примиренческий контроль – в посредничестве и арбитражном решении споров. Под влиянием национального государства постепенно усиливалась легальная жизнь общества.

Национальное государство оказалось способным сохранить население, достаточное для военного строительства, завоевания новых территорий и включения новых масс населения в политическую структуру общества. Оно могло внушать своим гражданам лояльность по отношению к государственной власти и использовать преимущества развивающейся рыночной экономики. Д. Стреер отмечает: «Европейские государства, возникшие после XV в., сочетали в себе силы империй и городов-государств. Они были достаточно крупными, чтобы выжить в долго-

срочной перспективе. У некоторых из них историческая память насчитывала тысячелетнее существование народов – вполне уважаемый срок существования для любой человеческой организации. Одновременно под их управлением находилось большое население. Они преуспели в воспитании чувства общей идентичности у членов местных общин и в этом отношении превзошли античные империи, хотя и отставали от древних Афин в мобилизации активности граждан» [33].

Политика меркантилизма раннесовременных государств вела к преодолению финансового кризиса прошлого феодализма. Разнообразная география Европы способствовала производству различных продуктов питания. Их доставку потребителям обеспечивала система речного и морского судоходства [34]. Регулярный обмен товарами и продуктами благоприятно сказывался на развитии кредитной и банковской практик, не имевших аналогов в мире. Торговля развивалась автономно и не находилась под жестким контролем правительств, имевших от нее выгоду. Правители, которые пытались эксплуатировать купцов, вскоре убеждались, что коммерческий капитал находил иные благоприятные для него территории. У дворянских сословий сохранялось предубеждение к меркантильному классу, который изначально требовал к себе терпимого отношения. На севере континентальной Европы и в Англии получила распространение протестантская этика – новая мораль предпринимательства [35]. В католической Франции коммерческая деятельность ограничивалась стремлением к прибыли. Во всех случаях развивались симбиозные отношения между европейскими государствами и рыночной экономикой в форме государственной политики меркантилизма. Режимы обеспечивали устойчивый местный порядок и не допускали дискриминации коммерсантов в обмен на присвоение части доходов от торговли.

Посредством взимания налогов и воинской повинности государство могло мобилизовать богатство и службу граждан в государственных интересах. С XVI в. европейские государства приступили к широким колониальным захватам. В годы, последовавшие за путешествием Колумба в 1492 г., наблюдалось преуспевание Испании и Португалии за счет их колоний в Новом Свете. Нидерланды начали колониальные захваты после своего освобождения от испанского господства в 1572 г. Золото, серебро и другие ценности стали поступать непосредственно в метрополию. Контрабанда и пиратство начали процветать в XVII и XVIII вв. В этот период проявилось стремление Англии и Франции приобрести привилегированное торговое и статусное положение путем захватов внешних рынков и колоний в Америке, Азии и Африке. На выгодных условиях для стран-метрополий осуществлялись доставка сырья из колоний, использование дешевой туземной рабочей силы, организация рынков сбыта мануфактурных товаров [36].

С появлением национальных государств трансформировался международный порядок. До Вестфальского мира папство и Священная Римская империя требовали универсального главенства над всеми европейскими государствами. Отныне транснациональные институты Европы утратили политический авторитет. Империя превратилась в конгломерат независимых государств. Пришли в движение огромные государственные объединения с регулярными армиями и постоянными

дипломатическими представительствами. После религиозных войн принцип международного баланса сил заменил средневековые представления об универсальности морально-религиозных ценностей в отношениях между государствами [37].

Н. Макиавелли первым предложил описание системы баланса сил, которая позднее характеризовала отношения великих держав Европы вплоть до Первой мировой войны. Державы меняли свои альянсы, чтобы уравновесить другую силу или коалицию, которая усилилась, или чтобы захватить территорию своего прежнего союзника. Система национальных государств, ставшая очевидной в XVII в., была многокомпонентной. Она регулировалась великими державами, которые не признавали надгосударственных авторитетов и с помощью создаваемых альянсов и использования силы стремились максимизировать свои интересы и безопасность внутри системы. Великие державы – обычно Франция, Англия, Испания, Австрия и позднее Россия – сосуществовали как юридически равные суверенные единицы. Критерием их внешней политики было следование своим государственным интересам. Через заключение союзных договоров государства старались усилить свое влияние и предотвратить рост превосходства другого государства над остальными. При возникновении такой угрозы осуществлялась перегруппировка сил и восстановление баланса. Пространство межгосударственных альянсов и баланса сил расширялось в период европейской колонизации остального мира.

Принцип баланса сил не гарантировал внешнюю безопасность государства. Он доказывал свою эффективность, будучи препятствием возникновению в Европе гегемонии одного государства. Предпринимались только две попытки нарушить это равновесие – Наполеоном и Гитлером, и обе окончились провалом. Принцип баланса сил не давал полной гарантии сохранения отдельных государств. Об этом свидетельствовала трагическая судьба некоторых наций, которые встречали противодействие своему стремлению обрести независимость либо теряли ее. Раздел и поглощение Польши великими державами в 1780-х гг., искусственное образование малых государств, например, Бельгии в 1830 г., были фактами ситуативного насилия под различными предлогами. Особая роль Англии как «уравновешивающей силы» относительно континентальной Европы (со времен Елизаветы I Тюдор до середины XX в.) обнаруживала новые парадоксы. Успех своей британской дипломатии в 1815–1914 гг., боровшейся против гегемонизма континентальных государств (в исторической последовательности – Испания, Франция и Германия), Англия использовала для усиления внешней экспансии и сохранения роли первой морской державы.

Принцип баланса сил был нейтрален к внутренним политическим системам государств в той мере, в какой они не затрагивали международную конфигурацию влияния и власти. В духе Гоббсова решения проблемы порядка как безопасности баланс сил ставился выше других интересов и страстей. Он был нейтрален относительно войны и мира в том смысле, что каждый из этих способов урегулирования межгосударственных конфликтов не рассматривался с точки зрения абсолютных преимуществ и оценивался инструментально. По мере роста военного потенциала национальных государств политика равновесия сил оказывалась двусмысленной

относительно намерений использования потенциала безопасности для обороны или нападения. Международный порядок равновесия сил нуждался в такой реорганизации, чтобы обеспечить устойчивость мирных отношений между государствами.

Итак, при изучении государства современного типа следует отличать политическое значение понятия национального государства как общности граждан государства, признаваемого мировым сообществом, от этнического понимания национального государства, сторонником которого являются нынешние постсоветские националистические движения, выступающие за совпадение этнической и гражданской принадлежности людей. Основным недостатком эндогенных и экзогенных объяснений исторических причин возникновения современного государств заключается в однофакторном анализе. Системный подход позволяет совместить различные направления исследовательских перспектив и изучать возникновения национального государства как результат ступенчатого инновационного политического движения, в ходе которого трансформируемое государство решает внутренние и внешние проблемы общества на этапе перехода от сословной к гражданской организации с классовой структурой [38].

Период национального государства в современной международной системе начался с Вестфальского договора 1648 г. Появление национальных государств в Европе было результатом элитарного движения, в ходе которого решались адаптационные проблемы кризисного традиционного общества. Благодаря территориальному принципу организации политической власти, ее централизации, а также институционализации политического авторитета и монополии на легитимное применение силы внутри общества национальное государство было способным сохранять население и контролировать правопорядок, увеличивать военный потенциал и завоевывать новые территории, поддерживать гражданскую лояльность и использовать преимущества рыночной экономики [39]. С появлением национальных государств изменился международный порядок, принципами которого стали признание международным сообществом государственного суверенитета и баланса международных сил. Баланс сил отрицал гегемонию одного государства в международных делах и не давал полной гарантии внешней безопасности для отдельного государства.

-
1. Капто, А.С. Вестфальский мир 1648 г. Энциклопедия мира. – М., 2002. – С. 70–71.
 2. Альтерматт, У. Этнонационализм в Европе. – М., 2000. – С. 45.
 3. Лютер, М. К христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния. – Харьков, 1912. – С. 40–47.
 4. Хобсбаум, Э. Нация и национализм после 1780 г. – СПб., 1998. – С. 2. ; Нация // Большой юридический словарь / под ред.: А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М., 1997. – С. 402–403.
 5. Национальное равноправие. Равноправие граждан // Большой юридический словарь. – С. 401, 574.

6. Кувалдин, В., Рябов, В. Национальное государство в эпоху глобализации / В. Кувалдин, В. Рябов // Свободная мысль – XXI в. – 2000. – № 1. – С. 37.
7. Парсонс, Т. Система современных обществ. – М., 1997. – С. 102; Ритцер Дж. Современные социологические теории. – СПб., 2002. – С. 487–488.
8. Хобсбаум, Э. Указ. соч. – С. 161.
9. Чернобровкин, И.П. Этнонациональный конфликт: природа, типы и социальный контроль. – Ростов-н/Д., 2003. – С. 12–14.
10. Гоббс, Т. Левиафан // Гоббс Т. Избр. произв.: в 2 т. – М., 1964. – Т. 2. – С. 324.
11. Гоббс, Т. О гражданине // Гоббс Т. Избр. произв.: в 2 т. – М., 1964. – Т. 2. – С. 307.
12. Гоббс, Т. Левиафан. – С. 156; Гоббс Т. О гражданине. – С. 305.
13. Маркс, К. Второй набросок «Гражданской войны во Франции» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд.: в 50 т. – М., 1961. – Т. 17. – С. 612.
14. Mommsen H. Nobility // A Comparative Encyclopedia. Ed. by K. Beume. – V. 6. – N.Y., 1992. – P. 123.
15. Вебер, М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произв. – М., 1990. – С. 646.
16. Вебер, М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произв. – М., 1990. – С. 647.
17. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd 2. – Frankfurt a/M., – 1982. – P. 425.
18. Op cit. P. 426.
19. Hutchinson J., Smith A. Nationalism. – Oxford, 1994. – P. 9.
20. Hutchinson J., Smith A. Nationalism. – Oxford, 1994. – P. 10.
21. Омельченко, О.А. Всеобщая история государства и права. В 2 т. – М., 2003. – Т. 1. – С. 223–224.
22. Strayer J.R. On the Medieval Origins of the Modern State. – Princeton, 1990. – P. 83.
23. Омельченко, О.А. Указ. соч. – С. 295.
24. Нерсесянц, В.С. Философия права. – М., 1997. – С. 447.
25. Кувалдин, В., Рябов, А. Национальное государство в эпоху глобализации / В. Кувалдин, А. Рябов // Свободная мысль – XXI в. – 2000. – № 1. – С. 37; Lansford T. Post-Westphalian Europe? Sovereignty and the Modern Nation-State // International Studies. – 2000. – V. 37. – № 1. – P. 4.
26. Мамычев, А.Ю. Консервативная правовая политика государства: историческое наследие или актуальный проект современности? / А.Ю. Мамычев // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. – № 3. – С. 3–8.
27. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избр. произв. В 2 т. – М., 1964. – Т. 2. – С. 152–155.
28. Гегель, Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990. – С. 330.
29. Капто, А.С. Вестфальский мир 1648 г. // Капто А.С. Энциклопедия мира. – М., 2002. – С. 70–71.
30. Омельченко, О.А. Указ. соч. – Т. 2. – С. 3–5.

31. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М., 1998. – С. 60–61.
32. Strayer J. On the Medieval Origins of the Modern State. – Princeton, 1990. – P. 12.
33. Cipolla M. Before the Industrial Revolution: European Society and Economy, 1000–1700. – N.Y. 1993. – P. 123.
34. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произв. – М., 1990. – С. 202.
35. Strayer J. Op. cit. – P. 63.
36. Любашиц, В.Я., Мордовцев, А.Ю., Мамычев, А.Ю. Государственная власть: парадигма, методология и типология: монография. В 2-х частях. – М., 2013.
37. Любашиц, В.Я., Мордовцев, А.Ю., Мамычев, А.Ю. Теория государства и права: учеб. пособие. 3-е изд. – М., 2015.
38. Lyubashits V.Y., Mordovtsev A.Y., Mamychev A.Y. State and Algorithms of Globalization // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Т. 6. – № 36. – С. 277–282
39. Lyubashits V.Y., Mordovtsev A.Y., Mamychev A.Y., Vronskaya M.V. State: typological analysis of evolutionary forms // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Т. 6. – № 3–4. – С. 83–90.

© Босяцкий А., 2015

© Любашиц В.Я., 2015

© Филиппова М.К., 2015

Для цитирования: Босяцкий А. Возникновение национального государства как государства современного типа / А. Босяцкий, В.Я. Любашиц, М.К. Филиппова // «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса». – 2015; №4. – С. 122–135.

For citation: Bosiacki, A. The emergence of the nation-state as the state of the modern type / A. Bosiacki, V.Yu. Lyubashits, A.S. Kaminskay // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. – 2015; №4. – P. 122–135.